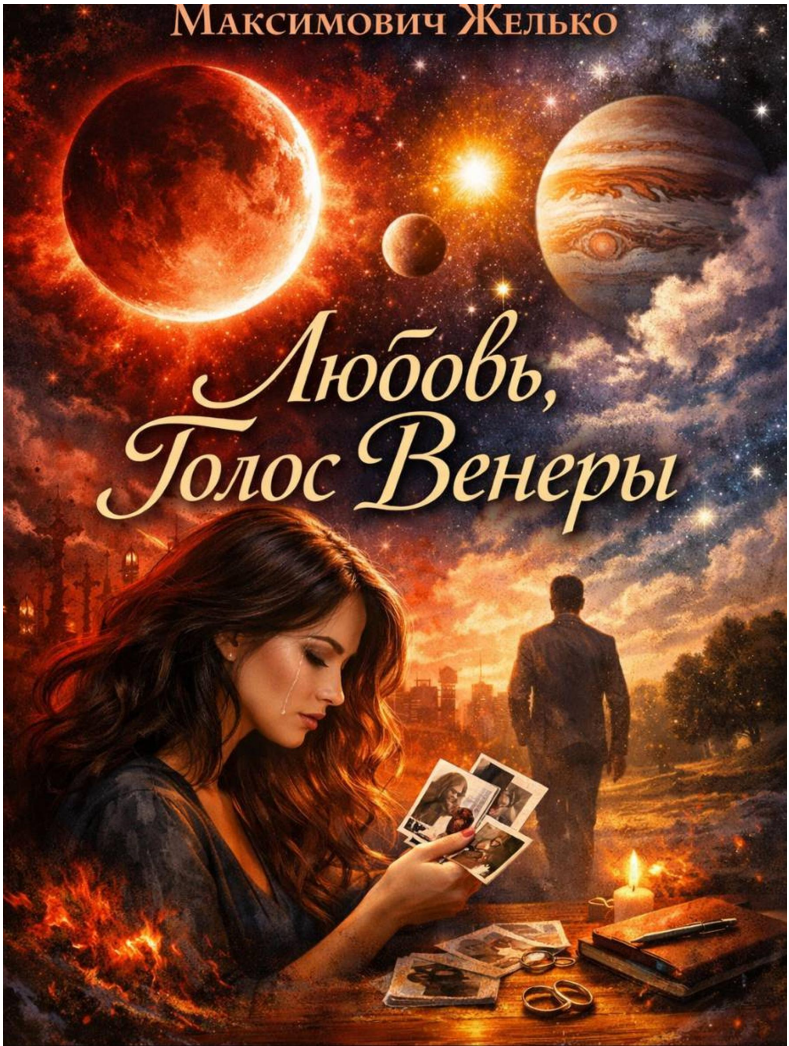
Максимович Желько

Любовь, Голос Венеры



Звёзды склоняют, но не обязывают: выбор — в сердце

Желько Максимович

Любовь, Голос Венеры

Серия «Любовь», книга 2

https://litres.ru/73375392
SelfPub; 2026

Аннотация

В ночь лунного затмения Марина находит доказательства измены мужа Игоря — фотографии, записи, следы другой жизни, которую он вёл параллельно их десятилетнему браку. Под багровым светом Луны в Овне, с Венерой в квадрате к Плутону, её мир рушится, обнажая правду о любви как поле битвы за власть и контроль.

Роман переплетает судьбы героев с движением планет: каждый поворот сюжета отмечен астрологической датировкой, каждый выбор — аспектом, который склоняет, но не обязывает. Марина проходит через гнев Марса, туман Нептуна, испытания Сатурна и, наконец, благословение Венеры в соединении с Юпитером. Она учится различать иллюзию и правду, месть и исцеление, привычку и осознанную любовь.

Это история не о предательстве, а о трансформации: как из пепла разрушенных ожиданий рождается новая женщина — целая, свободная, способная выбирать сердцем, а не страхом.

Поэтичный, глубокий роман о зрелой любви, где звёзды лишь подсказывают путь, а решение всегда остаётся за человеком.

Желько Максимович
Любовь, Голос Венеры

Глава 1. Пепел под розовым сиянием

Эпиграф: Звёзды склоняют, но не обязывают: выбор – в сердце.

Астрологическая датировка: 29 сентября 2024, 03:26 – Лунное затмение в Овне, Венера в Весах в квадрате к Плутону, Марс в Раке в оппозиции к Сатурну; Северный узел касается 7го дома Марины.

Карта (фрагмент): Композит: Плутон в 8м доме; в синастрии её Венера в квадрате к его Плутону – любовь как поле битвы.

Небо было как ожог: багровая тень Земли ползла по Луне, и Марина чувствовала, будто кто-то медленно стирает её жизнь ластиком из свинца. В окне дрожал город, а в стекле отражалась она – с лицом, которое не знало, как улыбаться без маски.

Стекло было холодным. Марина прижала к нему ладонь и почувствовала, как город пульсирует где-то там, внизу, за

семнадцатью этажами. Огни квартир мерцали неровно, будто дышали чужими снами. Кто-то смотрел телевизор. Кто-то занимался любовью. Кто-то, может быть, тоже стоял у окна и смотрел на Луну, пожираемую тенью, и думал о предательстве.

Луна в Овне горела даже сквозь затмение – красная, упрямая, как рана, которая отказывается затягиваться. Марина знала это не из книг. Она знала это так, как знают цвет собственной крови: интимно, без слов. Астролог Георгий когда-то сказал ей: Луна в Овне – это воин, который плачет только наедине с небом. Она тогда рассмеялась. Сейчас смех казался чем-то из другой жизни, из той, где ещё можно было притворяться.

На столе лежали фотографии: Игорь и девушка в платье морской волны. Нептуновский цвет – цвет тумана, где правду держат на поводке. Рядом – флешка, чёрный опал: холодная память чужих голосов.

Марина не могла оторвать взгляд от платья. Оно было слишком красивым. Слишком продуманным. Ткань струилась по телу девушки так, будто её сшили не портные, а сам океан – из пены и обмана. Девушка улыбалась в камеру, и улыбка была правильной: не широкой, не вызывающей, просто тёплой. Почти невинной. Марина поймала себя на мыс-

ли, что ненавидит эту невинность сильнее, чем саму измену.

Она взяла одну фотографию и поднесла к свету настольной лампы. Медный абажур окрасил снимок в рыжеватый оттенок, и лицо девушки стало почти призрачным. Игорь на фото держал её за талию. Не крепко – небрежно, как держат вещь, которая и так никуда не денется. В этом жесте было что-то пугающее: он никогда так не держал Марину. С ней он был осторожен. Слишком осторожен. Будто боялся разбить.

Или потерять.

Марина медленно опустила фотографию обратно на стол. Пальцы дрожали – Марс в Раке делал своё дело. Марс в Раке – это гнев, который прячется под слоями самоконтроля, под вежливостью, под желанием быть хорошей. Но затмение вытягивало этот гнев наружу, как рыболовный крючок вытягивает рыбу из глубины. Больно. Неизбежно.

Игорь спал в соседней комнате, и это было самым страшным. Луна в затмении не кричала – она шептала: Всё тайное – станет явным.

Марина прислушалась. Дыхание Игоря доносилось сквозь приоткрытую дверь: ровное, глубокое, невинное. Он спал, как спят люди с чистой совестью. Или с совестью, которую

давно научились укладывать спать раньше тела. Она представила, как подходит к двери, толкает её, включает свет. Представила его лицо – сонное, растерянное, потом испуганное. Представила, как швыряет ему в лицо фотографии. Как кричит. Как требует объяснений.

Но затем представила и другое: как он начинает оправдываться. Как голос его становится мягким, обволакивающим, таким, каким он умел делать его в важные моменты – перед инвесторами, перед партнёрами, перед ней, когда нужно было что-то скрыть. Представила, как он скажет: Это ничего не значит. Или: Я просто запутался. Или, что хуже всего: Ты сама отдалилась.

Марина отвернулась от двери.

Она провела пальцем по медному браслету – подарку на десятилетие. Медь Венеры всегда обещает верность, но под затмением медь звучит как монета, брошенная в колодец: желание услышать ответ и не услышать.

Браслет был тяжёлым. Игорь заказал его у какого-то мастера в Турции, и мастер выгравировал на внутренней стороне их имена кириллицей, переплетённой с арабской вязью. Чтобы любовь была на всех языках, – сказал тогда Игорь. Марина носила браслет каждый день. Он натирал запястье,

оставлял зеленоватый след на коже – окисление меди, химическая реакция, доказательство подлинности металла.

Сейчас она хотела снять его. Бросить в окно. Услышать, как он звякнет о асфальт где-то там, внизу, в темноте.

Но не сняла.

Потому что это было бы признанием. Признанием того, что десять лет – ничто. Что все завтраки, все поездки, все ночи, когда она лежала рядом с ним и слушала, как он дышит, – всё это было построено на песке. А Марина не могла себе позволить признать это. Не сейчас. Не когда Сатурн в оппозиции к Марсу давил на неё, требуя ответственности, структуры, решения.

Она вернулась к столу и взяла флешку.

Чёрный опал в её руке казался живым. Холодным и живым, как сердце, которое перестало биться, но ещё не остыло. Марина знала, что на ней записано. Детектив Артём предупредил: Вы уверены, что хотите это слышать? Она кивнула тогда. Сейчас не была уверена ни в чём.

Ноутбук стоял на краю стола, закрытый. Марина открыла его медленно, будто открывала ящик Пандоры. Экран заго-

релся синим светом, и в этом свете её лицо выглядело чужим: осунувшимся, старше своих тридцати восьми. Венера в Весах требовала красоты, гармонии, баланса. Но Венера в квадрате к Плутону превращала красоту в поле боя.

Марина вставила флешку в разъём.

Папка на ней называлась просто: Доказательства. Внутри – двенадцать аудиофайлов. Даты рядом с каждым: с июня по сентябрь. Четыре месяца. Марина вдруг подумала о том, что четыре месяца – это целый сезон. Целое лето. Пока она ездила к матери на дачу, пока поливала помидоры и читала на веранде Урсулу Ле Гуин, пока думала, что жизнь наконец нашла свой ритм, – Игорь строил параллельную реальность.

Она выбрала первый файл. Курсор завис над кнопкой воспроизведения.

За окном Луна медленно выползала из тени. Багровый оттенок бледнел, превращался в серебристый. Затмение подходило к концу. Марина знала, что это символично. Знала, что после затмения всегда что-то меняется – судьбы разворачиваются, двери открываются или захлопываются навсегда. Северный узел в её седьмом доме говорил об этом ясно: отношения – её карма, её урок, её поле битвы.

Она нажала кнопку.

Сначала был только шум: шорох ткани, звук шагов, приглушённая музыка. Потом – голос Игоря. Марина не готовилась к тому, как больно будет услышать его. Не слова – просто тембр, интонацию. Этот голос когда-то говорил ей люблю. Этот голос читал ей стихи Бродского, когда они только встретились. Этот голос обещал.

Ты слишком серьёзно ко всему относишься, – говорил Игорь, и в голосе была улыбка. Марина слышала эту улыбку.

А ты – нет? – девушка. Голос молодой, с лёгким акцентом. Украинским, может быть. Или южнорусским.

Я научился отделять важное от неважного.

И я – неважная?

Пауза. Марина представила, как он обнимает её. Или целует. Или просто смотрит так, как когда-то смотрел на неё саму.

Ты – другое. Ты – воздух.

Марина остановила запись.

Воздух. Он называл её воздухом. Марина вспомнила, как однажды спросила его: Что я для тебя? Это было года три назад, после ссоры. Игорь тогда задумался и сказал: Ты – основа. Марина обрадовалась. Основа казалась чем-то прочным, надёжным. Сейчас она понимала: основа – это фундамент. То, что внизу. То, на чём стоишь. Воздух – это то, чем дышишь.

Венера в квадрате к Плутону шептала: Любовь – это власть. Кто нужнее, тот слабее.

Марина закрыла глаза и прислушалась к собственному дыханию. Оно было неровным. Сердце билось где-то в горле, будто пыталось выбраться наружу. Она подумала о том, что могла бы сейчас разбудить Игоря. Могла бы включить запись на полную громкость и заставить его слушать. Заставить объясняться. Но что это даст?

Плутон в восьмом доме композита не прощает и не забывает. Он требует трансформации. Смерти старого. Но смерть бывает разной. Можно убить отношения – резко, яростно, с хлопаньем дверей. А можно убить иллюзию.

Марина открыла второй файл.

На этот раз они говорили о чём-то бытовом: о ресторане, куда собирались пойти. Игорь смеялся – легко, непринуждённо. Марина не помнила, когда он последний раз так смеялся с ней. Может, они просто разучились быть лёгкими друг с другом. Может, десять лет совместной жизни – это как десять слоёв лака на дереве: сначала защищает, потом душит.

Третий файл был короче. Игорь говорил: Мне нужно ехать. Она проснётся.

Она. Марина.

Ты её боишься? – девушка.

Нет. Я её… уважаю.

Уважаю. Марина почувствовала, как что-то внутри неё холодеет. Уважение – это то, что испытываешь к коллеге. К начальнику. К человеку, который сделал что-то достойное. Уважение – это дистанция.

Она выключила запись и откинулась на спинку стула.

За окном город начинал просыпаться. Небо на востоке бледнело, окрашиваясь в молочнорозовый. Луна, выбравшаяся из затмения, висела над горизонтом бледным диском –

усталым, но живым. Марина вспомнила, как в детстве бабушка говорила ей: Луна – это зеркало души. Когда она полная – видишь всё. Когда затмённая – видишь то, что прятала.

Марина встала и подошла к окну. Город внизу выглядел обманчиво спокойным. Машины ползли по проспекту, редкие пешеходы спешили к метро. Жизнь продолжалась, как будто ничего не произошло. Как будто мир Марины не треснул пополам.

Она знала, что рассвет будет вторником души – днём Марса. Днём, когда любовь становится борьбой.

Вторник – день войны. День, когда нужно принимать решения. Сатурн давил, требуя структуры: развестись, простить, мстить. Марс кипел, требуя действия: кричать, ломать, уходить. Но Луна в Овне, несмотря на весь свой огонь, знала кое-что важное: войну выигрывает не тот, кто первым нападает, а тот, кто выбирает поле битвы.

Марина повернулась к столу. Фотографии всё ещё лежали там, как улики на месте преступления. Она посмотрела на девушку в платье морской волны. Молодая. Красивая. Но красота её была какой-то временной, как красота цветка, который распустится и завянет за один день. У Марины была другая красота – выстраданная, пережитая. Красота, которая

осталась после родов (хоть ребёнка и не было), после бессонных ночей, после всех этих лет, когда она строила дом из того, что Игорь приносил домой: из его побед, поражений, молчания.

Нептун туманил границы. Марина вдруг подумала: а что, если эта девушка тоже жертва? Что, если Игорь рассказывал ей ту же историю, что когда-то рассказывал Марине? Ты – особенная. Ты – единственная. С тобой я чувствую себя живым.

Она взяла телефон. На экране – фотография их свадьбы. Игорь в строгом костюме, Марина в платье цвета слоновой кости. Они стояли под аркой из белых роз, и в кадре застыла секунда, когда Игорь смотрел на неё так, будто она – центр вселенной. Марина помнила этот момент. Помнила, как думала: Вот оно. Вот счастье.

Но счастье – это не момент. Счастье – это длительность. И где-то между той секундой и этой ночью что-то сломалось. Не сразу. Постепенно. Как ломаются кости при остеопорозе: незаметно, пока не наступишь неправильно.

Марина положила телефон обратно.

Она подошла к двери спальни и толкнула её чуть шире.

Игорь лежал на боку, лицом к стене. Одеяло сбилось к ногам. Плечи его поднимались и опускались мерно, как волны. Марина смотрела на него и пыталась найти в этом теле, в этом лице что-то чужое, враждебное. Но не находила. Это был всё ещё Игорь. Человек, с которым она делила постель десять лет. Человек, чьи привычки она знала лучше своих: как он пьёт кофе (три ложки сахара, никакого молока), как хмурится, читая новости, как иногда во сне что-то бормочет на непонятном языке.

Предатель не выглядит предателем. Он выглядит как муж.

Марина тихо закрыла дверь.

Вернулась к столу. Взяла фотографии и сложила их в конверт. Медленно, аккуратно, как складывают письма, которые собираешься отправить. Потом взяла флешку и спрятала в ящик стола, под старые квитанции и чеки. Не потому, что хотела забыть. А потому, что знала: война требует подготовки.

Марс в Раке учил её этому: гнев, спрятанный под панцирем, бьёт точнее.

Небо за окном стало совсем светлым. Розовое сияние рассвета окрасило стены комнаты в мягкий, почти нежный отте-

нок. Марина посмотрела на свои руки. Пальцы всё ещё дрожали. Браслет на запястье потемнел от окисления. Она подумала о том, что медь – это металл Венеры. Металл красоты и любви. Но медь окисляется. Медь зеленеет. Медь показывает своё истинное лицо со временем.

Может быть, и любовь такая же.

Марина встала и пошла на кухню. Включила чайник. Достала из шкафа чашку – белую, с трещиной у основания. Эту чашку подарила ей мать много лет назад. Марина собиралась выбросить её после того, как чашка треснула, но не выбросила. Иногда полезно помнить, что даже треснувшие вещи продолжают работать.

Вода закипела. Марина заварила чай – чёрный, крепкий, без сахара. Села у окна и смотрела, как город просыпается. Где-то там, внизу, люди шли на работу, везли детей в школу, ссорились, мирились, изменяли, прощали. Жизнь текла, как река, в которую нельзя войти дважды.

Марина сделала глоток. Чай обжёг губы, и она вздрогнула. Боль была острой, реальной, отрезвляющей. Она подумала о том, что боль – это тоже дар. Боль доказывает, что ты жива. Что ты чувствуешь. Что предательство задело тебя не потому, что ты слаба, а потому, что ты любила.

За спиной послышались шаги.

Марина не обернулась. Она знала, что это Игорь. Знала по звуку: он шёл босиком, шаркая чуть левой ногой – старая травма колена, полученная в студенчестве на футболе.

– Ты не спишь? – голос его был хриплым, сонным.

– Не спалось, – ответила Марина, не оборачиваясь.

Она слышала, как он подходит ближе. Чувствовала его присутствие за спиной – тёплое, знакомое, предательское.

– Что-то случилось? – спросил он.

Марина медленно повернулась.

Игорь стоял в дверях кухни в одних трусах, волосы растрёпаны, на лице – след от подушки. Он выглядел беззащитным. Почти невинным. И Марина вдруг поняла, что вот в этом и заключается весь ужас: предатели не выглядят монстрами. Они выглядят людьми. Они зевают по утрам, пьют кофе, говорят доброе утро голосом, в котором нет ни капли яда.

– Луна, – сказала Марина. – Затмение.

Игорь кивнул, не понимая.

– Да, я слышал. Красная Луна, да?

– Багровая, – поправила Марина.

Он подошёл к чайнику, налил себе воды в кружку. Его кружка была большая, керамическая, с надписью Лучший босс. Подарок от сотрудников. Марина всегда находила эту надпись ироничной.

– Ты странная сегодня, – сказал Игорь, глядя на неё.

– Странная? – переспросила Марина.

– Не знаю. Какая-то… другая.

Марина улыбнулась. Улыбка вышла кривой, как трещина в чашке.

– Может, это ты другой, – сказала она тихо.

Игорь нахмурился.

– Марина, если это опять про то, что я мало времени провожу дома…

– Нет, – перебила она. – Не про это.

Он ждал. Марина смотрела на него и думала: вот сейчас. Сейчас она может всё сказать. Вытащить конверт с фотографиями. Включить запись. Устроить сцену. Потребовать объяснений.

Но Сатурн в оппозиции к Марсу шептал: Не торопись. Война – это терпение.

– Просто устала, – сказала Марина. – Плохо спала.

Игорь кивнул, явно облегчённый.

– Тогда отдыхай. Я сегодня поздно вернусь. Встреча с инвесторами.

– Конечно, – сказала Марина.

Он допил воду, поставил кружку в раковину и вышел из кухни. Марина слушала, как он собирается: шум душа, звук электробритвы, хлопанье дверей шкафа. Привычные, домашние звуки. Звуки жизни, которая притворяется нор-

мальной.

Через двадцать минут Игорь вышел из квартиры, крикнув на прощание: Пока!

Марина не ответила.

Она осталась сидеть у окна с остывшим чаем в руках и смотрела на город, залитый утренним светом. Небо было чистым. Луна исчезла. Затмение закончилось.

Но внутри у Марины затмение только начиналось.

Она взяла телефон и набрала номер.

– Артём? – сказала она, когда на том конце трубки ответили. – Мне нужно всё. Абсолютно всё. Даты, места, имена. Я хочу знать, кто она. Я хочу знать, как долго. И я хочу знать, почему.

Голос детектива был спокойным, профессиональным:

– Хорошо. Когда вы готовы встретиться?

Марина посмотрела на браслет на запястье. Медь потемнела ещё сильнее.

– Сегодня, – сказала она. – Прямо сейчас.

Она положила трубку и встала.

Рассвет в окне разгорался всё ярче, окрашивая мир в цвета надежды. Но Марина знала правду: рассвет – это не конец ночи. Рассвет – это момент, когда тьма, наконец, соглашается показать, что скрывала.

Вторник начался. День Марса. День войны.

И Марина была готова.

Глава 2. Пятница, когда Венера притворилась судьбой

Эпиграф: Когда Нептун затуманивает 7й дом, мы любим не человека, а свою мечту.

Астрологическая датировка: 14 февраля 2014, 23:17 – Венера в соединении с Марсом в Водолее, Луна в Скорпионе в оппозиции к Урану; Нептун активирует 7й дом Марины.

Карта (фрагмент): Её Луна в Скорпионе квадратом к его Нептуну – предчувствие без доказательств.

Февральское небо над городом было чистым до неприличия – такая прозрачность казалась наглостью, вызовом всему, что люди привыкли прятать за облаками. Марина стояла перед зеркалом в своей квартире и смотрела на женщину в платье цвета старого серебра. Платье было куплено три дня назад в приступе странной решимости, когда она вдруг поняла, что сегодняшний вечер станет переломным – хотя переломом чего именно, не могла бы объяснить.

Луна в Скорпионе делала своё тихое, безжалостное дело: превращала интуицию в физическое ощущение, в покалывание под кожей, в привкус металла на языке. Марина провела пальцами по ткани платья и почувствовала, как внутри что-то сжимается – не страх, не предвкушение, а что-то третье, для чего в языке не было точного слова. Предостережение без причины. Тревога без объекта.

За окном город готовился к вечеру Дня святого Валентина с той особой одержимостью, которая свойственна людям, решившим поверить в романтику хотя бы на одну ночь. Красные сердца в витринах магазинов, розы в руках спешащих мужчин, смех пар, выходящих из такси. Венера царила над городом, и город покорно играл в её игру.

Но Марина чувствовала другое. Где-то на краю восприятия маячило нечто холодное и влажное, как туман над рекой

на рассвете. Нептун подбирался незаметно, как вор, который не крадёт вещи, а подменяет их копиями – настолько искусными, что разницу замечаешь лишь много позже, когда уже слишком поздно.

Она встретила Игоря полгода назад на презентации архитектурного проекта – она работала художницей оформителем, он приехал как потенциальный инвестор. Их разговор начался с банальности о линиях и перспективах и закончился обменом номерами, который казался одновременно случайным и неизбежным. С тех пор они виделись нечасто – он был занят делами, природа которых оставалась для Марины туманной, она погружалась в работу над витражами для старого особняка на окраине. Но каждая встреча оставляла ощущение чего-то значительного, почти судьбоносного.

Сегодня он пригласил её в ресторан Медный закат – место, о котором в городе говорили вполголоса, потому что там встречались люди, для которых деньги были не целью, а языком.

Марина взяла сумочку и бросила последний взгляд в зеркало. Женщина в серебряном платье смотрела на неё с выражением, которое можно было принять за спокойствие, если не знать, что под этой гладкой поверхностью плавают тени с острыми плавниками.

Ресторан встретил её медным сиянием – стены были обиты листами металла, отполированными до зеркального блеска, но слегка тронутыми патиной времени. Свет многочисленных свечей отражался в меди, создавая иллюзию мягкого, почти розового свечения. Венера здесь чувствовала себя как дома.

Игорь сидел за столом у окна. Он встал, когда она подошла, и в этом жесте было что-то старомодное, почти церемониальное. Высокий, с лицом, которое можно было бы назвать суровым, если бы не улыбка – лёгкая, почти неуловимая, как отблеск на воде.

– Ты выглядишь так, будто пришла из другого времени, – сказал он, помогая ей сесть.

– Из какого? – спросила Марина, и её голос прозвучал чуть более резко, чем она планировала.

– Из того, где люди ещё верили в вечность.

Это было красиво сказано. Слишком красиво. Марина почувствовала, как внутри шевельнулось что-то настороженное – Марс в её карте был в Деве, педантичный и недоверчивый к красивым словам без подкрепления делами.

Официант принёс меню в кожаных переплётах, бутылку вина с этикеткой на незнакомом языке. Игорь заказал уверенно, не спрашивая её мнения – и странным образом это не оскорбило Марину, а почти успокоило. В этом была определённость, которой ей не хватало в собственной жизни.

– Расскажи о своей работе, – попросил он, наливая вино.

Марина начала рассказывать о витражах, о том, как цветное стекло меняет свет, как каждый оттенок имеет своё значение, свой вес. Она говорила о том, что красный – это не просто цвет страсти, а цвет жертвы, цвет крови, которая одновременно даёт жизнь и отмечает её конец. О синем, который может быть небом или бездной – в зависимости от угла зрения. О зелёном, который всегда обманчив, потому что в природе нет настоящего зелёного – только смесь синего и жёлтого, иллюзия, созданная глазом.

Игорь слушал внимательно – слишком внимательно. Его взгляд не отрывался от её лица, и в этой сосредоточенности было что-то почти хищническое. Марина вдруг поняла, что он запоминает не её слова, а её. Каталогизирует, записывает в какой-то внутренний реестр.

– Ты видишь мир как систему символов, – сказал он на-

конец. – Это редкое качество.

– Или проклятие, – ответила она. – Иногда хочется просто смотреть на красное и видеть красное. Без значений.

– Но ты так не умеешь.

– Нет.

Он улыбнулся, и в этой улыбке было понимание – настолько точное, что Марина почувствовала странный дискомфорт. Как будто он заглянул куда-то, куда она не давала разрешения заглядывать.

Снаружи начал падать снег – редкий для февраля, тяжёлый и мокрый, сразу тающий на асфальте. В окна стекала вода, преломляя огни города в жидкие полосы. Нептун тихо работал где-то на краю восприятия, превращая чёткие линии в размытые пятна.

Первые блюда сменились вторыми. Разговор тёк легко – о путешествиях, которые он совершил и которые она мечтала совершить; о книгах, о музыке, о том, как город меняется, становясь одновременно богаче и холоднее. Игорь говорил мало о своих делах, отделываясь общими фразами про инвестиции и проекты. Марина не настаивала – она давно по-

няла, что люди с деньгами предпочитают не говорить о том, как эти деньги добываются.

Но между их словами, в паузах, в моментах молчания, происходило что-то другое. Что-то, чему Марина не могла дать имя, но что ощущала физически – как перепад давления перед грозой, как изменение температуры, едва заметное, но определённое.

В какой-то момент их пальцы коснулись – случайно, когда оба потянулись за бокалами. Прикосновение было мимолётным, но Марина почувствовала, как внутри что-то вспыхнуло – не страсть, не влечение, а узнавание. Как будто её тело распознало в нём что-то знакомое, древнее, записанное где-то глубже сознания.

Это было действие Венеры в соединении с Марсом – притяжение, в котором невозможно отделить желание от агрессии, нежность от захвата.

– Ты веришь в судьбу? – спросил Игорь внезапно, и его голос был тише обычного.

Вопрос завис в воздухе, как что-то осязаемое. Марина почувствовала, как внутри неё одновременно движутся две силы: одна – тянущая её к простому да, к капитуляции перед

красотой момента; другая – холодная, настороженная, шепчущая, что судьба – это слово, которым люди называют собственную лень думать.

– Не знаю, – ответила она наконец, и это была правда. – Иногда мне кажется, что да. Иногда – что мы просто склонны видеть паттерны там, где их нет.

– А если паттерны – это и есть судьба?

– Тогда судьба – просто математика. Красивая, но холодная.

Игорь усмехнулся.

– Ты слишком рациональна для художника.

– Ты слишком романтичен для бизнесмена.

Они посмотрели друг на друга, и в этом взгляде было что-то похожее на вызов. Но вызов мягкий, завуалированный флиртом. Марина вдруг подумала, что влюблённость – это всегда спор. Спор о том, кто кого лучше поймёт, кто первый сдастся, кто откроется раньше.

А потом – на секунду, не дольше – его лицо изменилось.

Улыбка не исчезла, но стала другой. Более гладкой. Более правильной. Как маска, которую тщательно подгоняют по лицу, но которая всё равно остаётся маской.

Марина почувствовала холод – короткий, как укол. Луна в Скорпионе включила свой внутренний рентген, и на долю секунды она увидела не Игоря, а контур, силуэт, пустоту, обтянутую обаянием.

Но момент прошёл. Игорь заговорил о чём-то другом – о театральной премьере, на которую он хотел её пригласить – и холод отступил, растворился в медном свете свечей.

Марина взяла бокал и сделала глоток вина. Оно было терпким, с привкусом чего-то древесного – дуба или кедра. Вкус оставался на языке долго, как предупреждение, записанное чернилами, которые видны только при определённом освещении.

Десерт принесли на медных подносах – что-то замысловатое, с шоколадом и розовыми лепестками. Венера торжествовала. Но Марина почти не ела – внутри у неё что-то туго закручивалось, как пружина.

– Ты не любишь сладкое? – спросил Игорь.

– Люблю. Просто… устала сегодня.

– От чего?

От того, что не понимаю, что происходит, – хотела сказать она, но вместо этого улыбнулась.

– От работы. Витражи требуют очень точного внимания. Одна ошибка – и вся композиция рушится.

– Как в жизни.

– Да. Как в жизни.

Он протянул руку и накрыл её ладонь своей. Его рука была тёплой, сухой, уверенной. Марина почувствовала, как внутри что-то сдаётся – не капитулирует, а просто устаёт сопротивляться.

– Я хочу видеть тебя чаще, – сказал Игорь тихо. – Не как случайные встречи. Как… как часть жизни.

Это было признание. Или чем-то, что очень походило на признание. Марина знала, что должна что-то ответить, но слова застряли где-то в горле.

В окно било снегом – мокрым, тяжёлым. Город за стеклом превращался в акварель, где границы размыты, а цвета перетекают друг в друга. Нептун рисовал свою картину поверх реальности, и разница между ними становилась всё менее различимой.

– Я тоже, – сказала наконец Марина, и её голос был почти шёпотом.

Игорь улыбнулся. Настоящей улыбкой – или той, которую Марина приняла за настоящую. В тот момент разница не казалась важной.

Они вышли из ресторана в половине двенадцатого. Снег почти перестал, но воздух был влажным, плотным, как ткань. Марина чувствовала, как влага оседает на коже, на волосах, как город становится липким, навязчивым.

Игорь поймал такси и открыл ей дверь. Перед тем как сесть, Марина обернулась и посмотрела на ресторан. Медный закат светился изнутри, как фонарь. На мгновение ей показалось, что свет этот – не тёплый, а холодный. Как свет операционной. Как иллюминация сцены перед началом спектакля, где роли уже распределены, а зрители ждут первого действия.

В машине Игорь сидел рядом, не касаясь её, но его присутствие было физически ощутимым. Марина смотрела в окно на проплывающие мимо улицы и думала о том, что влюблённость – это всегда прыжок в неизвестность. Но почему-то сейчас эта неизвестность казалась не пугающей и волнующей, а именно неизвестной – в самом холодном значении этого слова.

Машина остановилась у её дома. Игорь вышел вместе с ней, проводил до подъезда. У двери он взял её за руку и притянул к себе – не резко, но настойчиво.

– Спасибо за вечер, – сказал он.

– Это я должна благодарить.

– Нет. Благодарить должны оба.

Он наклонился и поцеловал её. Поцелуй был долгим, глубоким – таким, после которого невозможно притвориться, что ничего не изменилось. Марина почувствовала, как внутри поднимается волна – горячая, почти обжигающая. Марс и Венера, сплетённые в одном движении.

Но где-то на краю этой волны, в самом её основании, было что-то другое. Что-то холодное и скользкое, как водоросль,

обившаяся вокруг лодыжки.

Игорь отстранился первым.

– Спокойной ночи, Марина.

– Спокойной.

Он вернулся к такси, помахал ей на прощание. Машина уехала, и Марина осталась одна на пустынной улице.

Снег снова начал падать – редкими, тяжёлыми хлопьями. Марина стояла и смотрела на небо. Где-то там, за облаками, за снегом, Луна в Скорпионе медленно двигалась к оппозиции с Ураном. Напряжение копилось в воздухе, как электричество перед грозой.

Марина поднялась в квартиру, разделась, легла в постель. Но сон не шёл. Она лежала в темноте и слушала, как за окном ветер играет со снегом, как город дышит своим ночным дыханием.

И где-то внутри – так тихо, что почти неслышно – что-то шептало: Не торопись. Слышишь? Там, за музыкой, кто-то пишет другой сценарий.

Но Марина не слушала. Или не хотела слушать. Потому что иногда мы выбираем не судьбу, а иллюзию, что можем её выбрать. И это выбор тоже.

Венера торжествовала. Нептун тихо работал в тени. А Марс – её собственный, осторожный, хищный Марс – дрогнул и уступил.

Так начинаются истории, которые потом пересказывают с болью. Так плетутся сети, в которых мы запутываемся добровольно, принимая их за крылья.

Марина закрыла глаза и позволила себе улыбнуться. Улыбка была настоящей – и это, возможно, было самым страшным.

Глава 3. Голос Венеры: я не оправдываю, я показываю

Эпиграф: Венера в квадрате к Плутону: любовь как поле битвы.

Астрологическая датировка: 3 июня 2016, 02:41 – Венера в Раке в тригоне к Нептуну, Плутон ретрограден в Козероге; Луна растущая, тонкий серп.

Карта (фрагмент): Композитная Венера в напряжении к Сатурну – любовь через испытания.

Я – Венера. Не та, что на открытках в розовых тонах, не та, что обещает вечность языком конфет и шампанского. Я – металл. Медь, что темнеет от соли слёз и окисляется от времени, оставляя зелёные следы на коже. Я пришла к Марине как шёпот желания – быть красивой, быть любимой, быть достаточной – а осталась как вопрос, который не даёт спать: что ты выберешь, когда поймёшь, что красота была только зеркалом, а за ним – пустота?

Люди думают, что я про гармонию. Они ошибаются. Я про выбор. Каждый раз, когда кто-то говорит люблю, я стою рядом с весами в руках и спрашиваю: а что ты готов отдать за это слово? Сатурн требует цену. Плутон требует душу. Нептун требует веру. А я? Я требую правды о том, чего ты хочешь на самом деле – не того, что говоришь вслух, а того, что скрываешь даже от себя.

В ту ночь небо было тонким, как лезвие. Луна – серп, растущий, но ещё не полный – висела над городом, похожая на улыбку того, кто знает секрет и молчит. Новолуние не наступило, но его тень уже легла на вещи: правда пряталась в складках простыней, в паузах между вдохами, в том, как Игорь повернулся во сне спиной к жене.

Марина проснулась в два сорок одну. Точное время – астрологи любят точность, потому что минута может изменить

дом, а дом меняет судьбу. Она открыла глаза и почувствовала странное, липкое ощущение, будто комната наполнилась водой. Не физической – метафизической. Вода Рака, где я, Венера, плавала в ту ночь, окружённая Нептуном, который шептал сладкую ложь о том, что всё ещё можно исправить.

Рядом лежал мужчина. Её муж. Игорь. Но в тот момент, глядя на его профиль в полутьме – нос, подбородок, линия шеи, знакомая до боли – Марина вдруг подумала: кто это? Имя знаю. Историю помню. Но лицо… лицо стало чужим, как будто кто-то подменил человека, оставив все детали на месте, но забрав суть.

Это была сцена предчувствия. Луна в воде – эмоции, которые ещё не оформились в мысли. Нептун в воздухе – иллюзия, которая уже начала рассеиваться, но ещё держится за края реальности. Обман не объявляет о себе фанфарами. Он приходит тихо, пахнет духами, которые нравятся слишком сильно, слишком навязчиво, так что потом, вспоминая, ты понимаешь: это был знак. Но тогда ты просто вдыхал и улыбался.

Игорь дышал ровно. Его сон был архитектурой Сатурна: строгие линии, расписание, контроль над хаосом. Даже во сне он планировал – Марина знала это по тому, как иногда он бормотал цифры или названия компаний. Но под этим по-

рядком, в глубине его карты, уже шевелился Плутон: ретроградный, медленный, неумолимый. Власть. Контроль. Тайные ходы, которые никогда не записываются в официальные протоколы.

Плутон не спрашивает разрешения. Он просто берёт то, что считает своим. И если человек слаб – а кто из нас не слаб в три ночи, когда Луна тонкая, а душа устала от игры в правильность? – Плутон входит, как вор, но не крадёт. Он меняет замки изнутри.

Я наблюдала за Мариной, как планета наблюдает за орбитой, которую сама создала. Я не говорю людям: Измени. Это вульгарно и неточно. Я говорю: Ты хочешь. И это хотение – не моральная категория, не грех и не добродетель. Это просто факт, как гравитация. Марс подсказывает, как быстро воплотить желание. Нептун – как красиво упаковать, чтобы совесть не кричала. Сатурн потом присылает счёт: вот сколько это будет стоить, и валюта – не деньги, а годы.

Марина встала. Босые ноги коснулись холодного пола – дерево, которое когда-то было живым, а теперь просто служит. Она прошла к окну, не зажигая света. Город внизу дышал тысячами огней: жёлтые окна, красные светофоры, синие вспышки рекламы. Каждый огонь – чья-то жизнь, чья-то драма, чей-то выбор между остаться и уйти.

Над крышами дрожала туманная звезда. Не я – я была ближе к горизонту, розовая и тёплая, обещающая. Это был кто-то другой – может, Нептун, может, далёкий Уран. Неважно. Марина смотрела на эту звезду и впервые за долгое время позволила себе подумать вслух, внутри, там, где никто не слышит, кроме планет:

Если любовь – это выбор, почему звёзды так настойчивы?

Хороший вопрос. Я бы ответила, но люди не любят мои ответы. Они хотят утешения, а я даю зеркало. Звёзды настойчивы не потому, что они судьба. Они настойчивы, потому что они показывают, кто ты есть. Твои желания, твои страхи, твои слабости – всё это записано в карте, как музыка на нотном стане. Но кто будет играть эту музыку? Ты. И как сыграешь – фальшиво, страстно, механически, нежно – это уже твой выбор.

В карте Марины я стояла в напряжении к Сатурну. Композитная Венера – то, как любовь живёт между двумя людьми, как третья сущность – была зажата между долгом и желанием. Сатурн требовал: будь верной, будь стабильной, будь тем фундаментом, на котором строится семья, статус, уважение. А я шептала: но чего хочешь ты? Не мы, не надо, а ты?

Марина не знала ответа. Вернее, знала, но боялась произнести его даже в тишине собственной головы.

Она хотела быть любимой так, чтобы это было видно. Не на словах – на словах Игорь был безупречен, как юрист на заседании. Она хотела, чтобы он смотрел на неё так, как смотрел когда-то, десять лет назад, когда они были ещё не мужем и женой, а двумя людьми, которые выбирали друг друга каждый день заново.

Но выбор превратился в привычку. А привычка – это уже не Венера. Это Сатурн. Холодный, надёжный, тяжёлый.

Она провела рукой по подоконнику. Пыль осела на пальцах – серая, почти незаметная. Когда последний раз она вытирала пыль здесь? Неделю назад? Две? Время текло странно: дни были полны дел, но пустые внутри, как коробки после переезда.

За спиной что-то скрипнуло. Марина обернулась. Игорь лежал так же, как и лежал – на боку, лицом к стене. Но ей показалось, что он не спит. Притворяется. Зачем?

Я знала. Плутон знал. Даже Луна, тонкая, как нить, знала. Но Марина ещё нет. Правда иногда приходит не сразу – она подкрадывается, как кошка, сначала тень, потом запах,

потом когти.

Марина вернулась в постель. Легла на спину, глядя в потолок, где блики от фонаря рисовали медленные узоры. Игорь не пошевелился. Между ними был зазор – сантиметров двадцать, не больше. Но этот зазор был шире, чем кажется. В нём помещалась целая жизнь, которую они перестали делить.

Она вспомнила, как недавно – месяц назад, два? – они ужинали в ресторане. Пятница. День мой, Венеры. Столик у окна, свечи, вино. Игорь рассказывал о новом проекте, что-то про инвестиции, партнёров, риски. Марина слушала и кивала, но внутри думала: когда он последний раз спросил, как у меня дела? Не вежливо, между делом, а по-настоящему?

Она не сказала этого вслух. Венера в Раке не любит конфликтов – она предпочитает молчать и страдать красиво, надеясь, что кто-то заметит. Но Игорь не заметил. Или заметил, но решил не вмешиваться. Сатурн учит: не трогай то, что работает. А их брак работал. Как часы. Тик-так. Тик-так.

Только часы иногда останавливаются. И самое страшное – ты не сразу понимаешь, что они стоят. Просто в какой-то момент замечаешь: стрелки не двигаются, а тишина стала слишком громкой.

Марина закрыла глаза. Сон не шёл. Вместо сна – образы, обрывки, чувства без формы. Она увидела себя со стороны: женщина в белой ночной рубашке, лежащая рядом с мужчиной, которого знает наизусть, но не понимает. И вдруг – вспышка, как молния внутри черепа – она поняла: я его боюсь.

Не физически. Игорь никогда не поднимал на неё руку, даже голос повышал редко. Но был другой страх – страх того, что если она скажет правду, если спросит: Ты меня любишь? По-настоящему? Или просто привык? – ответ будет молчанием. Или, что ещё хуже, ответом из вежливости.

Плутон в его карте шевелился. Я чувствовала это – планеты чувствуют друг друга, как животные чуют опасность. Плутон ретроградный – это когда человек возвращается к старым схемам, к старым ранам, к старым способам контроля. Игорь строил империю из сделок, партнёрств, манипуляций. Он был хорош в этом. Слишком хорош.

И когда человек слишком хорош в контроле, он начинает применять это везде. Даже там, где не надо. Даже в любви.

Марина не знала ещё, что через несколько месяцев найдёт фотографии. Что имя Ева ворвётся в её жизнь, как взлом.

Что Нептун, который сейчас так красиво обволакивал её надежды, окажется туманом, скрывающим измену. Но тело знало. Тело всегда знает раньше ума.

Она повернулась на бок, лицом к Игорю. Его спина была широкой, надёжной. Когда-то она засыпала, обнимая эту спину, чувствуя себя защищённой. Сейчас спина казалась стеной.

Игорь, – позвала она тихо.

Он не ответил. Дыхание осталось ровным. Спит или притворяется – неважно. Результат один: она одна.

Марина встала снова. На этот раз взяла телефон – не его, свой. Включила, прищурившись от яркого света. Три часа ночи. Сообщений нет. Уведомлений нет. Мир спал, а она бодрствовала, как часовой на посту, которого никто не просил стоять.

Она открыла фотогалерею. Пролистала назад – неделя, месяц, полгода, год. Фотографии улыбались: они вдвоём на море, на дне рождения друзей, на корпоративе. Но улыбки были одинаковые. Шаблонные. Как будто их напечатали на принтере вместе с декорациями.

Марина остановилась на одной фотографии: она и Игорь, пять лет назад, на кухне их старой квартиры. Игорь держит её за талию, она смеётся – по-настоящему, с морщинками у глаз. На столе мука, тесто, бардак. Они пекли что-то – пирог? печенье? – и всё пошло не по плану, и им было плевать.

Когда они перестали плевать на планы?

Венера в Раке хочет дом. Не дом как здание – дом как чувство. Место, где можно быть уязвимой и знать, что тебя не ранят. Но Сатурн в композите требовал: будь сильной. Будь стабильной. Не показывай трещин.

И Марина старалась. Штукатурила трещины улыбками, закрашивала пустоту занятостью. Работа, встречи, проекты. Она была успешной – в своей сфере её уважали. Но успех – это не тепло. Успех можно повесить на стену, как диплом, а ночью он не согреет.

Она вернулась к окну. Город не изменился – те же огни, те же тени. Но звезда, туманная, исчезла. Может, зашла за облако. Может, просто время пришло.

Марина положила ладонь на стекло. Холодное. Как всё, к чему она прикасалась последнее время. Даже медный браслет на запястье – подарок Игоря на их десятилетие – казался

тяжёлым. Медь темнеет от времени. От окисления. От того, что носишь её слишком долго, не снимая.

Я, Венера, наблюдала и молчала. Моя роль – не вмешиваться. Моя роль – показывать. Вот твоё желание. Вот твоя реальность. Вот зазор между ними. Что будешь делать?

Марина не знала. Ещё.

Но семя сомнения было посажено. Луна растущая – значит, что-то начинается. Не обязательно хорошее. Просто новое.

Она посмотрела на кровать, где лежал Игорь. Его силуэт был знакомым, почти родным. Но родное не значит настоящее. Иногда мы так привыкаем к людям, что забываем: они тоже меняются. А мы не замечаем, потому что привычка сильнее внимания.

Если любовь – это выбор, – подумала Марина снова, – то я выбрала его когда-то. Но выбираю ли я его сейчас? Каждый день? Или просто живу по инерции, как поезд по рельсам, который не может свернуть?

Вопрос повис в воздухе. Нептун вдохнул его, обещая ответить потом, когда-нибудь, может быть. Но Нептун – ма-

стер откладывать правду. Он говорит: подожди, ещё рано, ещё можно верить.

А Плутон шепчет из глубины: правда уже здесь. Просто ты боишься открыть глаза.

Марина легла обратно. Закрыла глаза. Дыхание Игоря было ровным, механическим. Её дыхание сбилось – то быстрее, то медленнее, как будто сердце не знало, какой ритм выбрать.

Сон наконец пришёл. Не глубокий – поверхностный, с обрывками снов, которые забываются через секунду. Но перед тем как провалиться, Марина увидела последнее: её руку и руку Игоря, лежащие рядом на простыне. Между ними – зазор. Двадцать сантиметров пустоты.

И я, Венера, металл меди, потемневший от слёз, подумала: скоро она узнает. Скоро всё выйдет наружу. Не потому что звёзды жестоки. А потому что Луна растёт. И то, что посеяно в тени, всегда прорастает на свету.

Вопрос не в том, изменил ли Игорь.

Вопрос в том, что выберет Марина, когда узнает.

И выбор этот будет не моральным – не простить или не простить.

Выбор будет между тем, кем она была, и тем, кем может стать.

Между медью, которая темнеет и принимает, и медью, которая плавится и превращается в новую форму.

Я не оправдываю. Я не сужу. Я только показываю.

А дальше – ваш ход.

Глава 4. Детектив Меркурий: слова идут назад

Эпиграф: Ретроградный Меркурий не создаёт ложь – он делает её слышимой.

Астрологическая датировка: 19 августа 2022, 11:05 – Меркурий ретрограден в Деве, Венера во Льве в квадрате к Урану; Луна убывает.

Карта (фрагмент): 12й дом активирован: тайна рядом, но в тени.

Офис детектива пах старой бумагой и кофе, который за-

варивали трижды. Марина сидела в кресле с продавленными подлокотниками и смотрела на человека, который обещал ей правду. Обещания всегда пахнут именно так: кофе и бумага, слова и чернила, которые можно стереть, если вовремя передумать.

Артём – так он представился – не выглядел как детектив из кино. Никакого плаща, никакой загадочности. Обычный мужчина в сером пиджаке, с лицом, которое научилось не показывать удивления. Только глаза его двигались странно: будто читали текст задом наперёд, проверяя, где слова перестали совпадать с правдой.

– Вы уверены, что хотите знать? – спросил он, и Марина поняла: это не вежливость. Это предупреждение.

Меркурий ретроградный. Планета речи и разума движется вспять. Астролог однажды объяснял ей: в такие периоды слова теряют привычные значения, договоры расползаются по швам, а прошлое возвращается не как воспоминание, а как счёт к оплате.

– Уверена, – сказала Марина, и голос её прозвучал так, будто она лгала себе.

Артём кивнул. Положил руку на стол – пальцы длин-

ные, чернильные пятна у основания среднего. Меркурианские руки. Руки того, кто пишет, считает, расшифровывает. На запястье – серебряные часы, циферблат без цифр. Только стрелки, которые двигались против обыкновения медленно, будто время здесь текло иначе.

– У вас не подозрение, – сказал он негромко. – У вас транзит.

Слово повисло между ними, тяжёлое и точное. Транзит. Планета пересекает чувствительную точку в карте, и жизнь меняется: либо медленно, как ржавчина, либо мгновенно, как удар.

На столе лежал конверт. Бумажный, плотный, цвета засохшей крови. Красная печать – воск, старомодно и странно торжественно. Марс. Марина подумала: это выглядит как вызов на дуэль.

– Внутри фотографии, – сказал Артём. – Я предупреждаю сразу: они не лгут. Но и правды не говорят целиком.

Он открыл конверт медленно, будто разворачивал бинт с раны. Первая фотография легла на стол лицевой стороной вверх.

Игорь. Улыбка – та, которую Марина знала наизусть. Та, от которой когда-то сердце билось быстрее, а теперь просто сжималось, как от холода. Рядом – девушка. Молодая. Платье цвета морской волны, ткань струилась, будто её соткали из тумана. Нептуновский оттенок. Марина узнала бы его в любом свете: цвет иллюзий, цвет того, что кажется правдой, пока не коснёшься.

Девушка смотрела в камеру с лёгкой улыбкой – не вызывающей, не торжествующей. Просто довольной. Как человек, который получил то, что хотел, и знает, что ещё не всё.

– Кафе на Тверской, – сказал Артём. – Третьего июня, вечер. Они встречались там четыре раза за последний месяц.

Марина взяла фотографию. Бумага была тёплой – или ей показалось. Пальцы дрожали. Она заставила их успокоиться, потому что дрожь – это Марс, а Марс сейчас был бы ошибкой. Сейчас нужна была Луна: холодная, наблюдающая, та, что видит в темноте.

– Это ещё не всё, – добавил Артём.

Он достал вторую папку. Чёрную. Плотную, с металлическими уголками. Плутон. Марина почувствовала, как что-то опускается внутри неё – тяжёлое, свинцовое. Сатурн. Тя-

жесть долга, тяжесть расплаты, тяжесть того, что нельзя отменить.

– В этой папке – контекст, – сказал Артём. – И он меняет всё.

Луна убывала. За окном город плыл в августовском свете – ярком, почти агрессивном. Но внутри офиса свет был другим: жёлтым, старым, как будто просачивался сквозь слои времени. Марина подумала: эмоции тоже убывают. Сначала любовь, потом доверие, потом – просто привычка оставаться.

Она открыла чёрную папку.

Документы. Распечатки переписок. Банковские выписки. И в самом низу – досье. Фотография той же девушки, но другая: моложе, серьёзнее. Рядом – мужчина средних лет с усталым лицом.

– Кто она? – спросила Марина, и голос прозвучал ровнее, чем она ожидала.

– Ева Соколова, – ответил Артём. – Дочь Олега Соколова. Бывшего партнёра вашего мужа.

Пауза. Марина смотрела на фотографию и чувствовала, как мир медленно переворачивается. Не резко, не катастрофично. Просто тихо смещается ось, и всё, что казалось устойчивым, начинает скользить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.